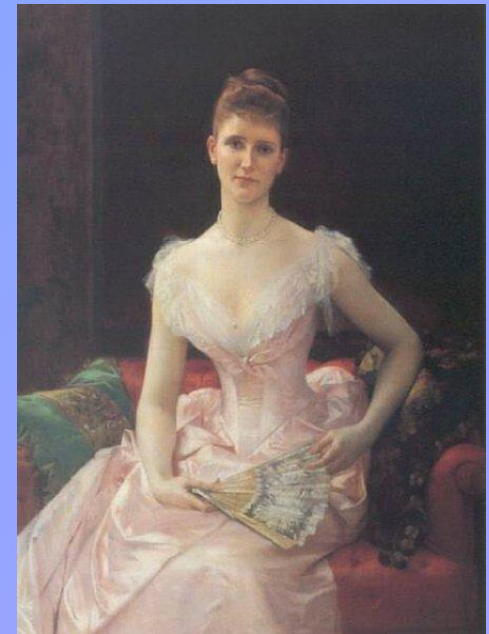

Портрет молодого поколения XIX века

Портрет века

XIX век... В историческом плане это, пожалуй, самый насыщенный период в истории царской России. Бурное время, начавшееся Отечественной войной 1812 года, отмеченное декабрьским восстанием 1825 г., жестоким царствованием Николая I и десятилетиями политических гонений цвета нации, ознаменованное отменой крепостного права, обогрѣнное волнами восстаний и забастовок и приведшее, в конце концов, к падению царской власти в нашей стране, это время не могло не оставить глубокого следа на выросших и проживших в нём жизнь поколениях.

Недаром именно XIX век стал Золотым веком русской поэзии, недаром именно в это время впервые представители знати выступили против царской власти.

Всем известно, что молодёжь всегда наиболее восприимчива ко всему новому: к новым мыслям, течениям, политическим идеям. Значит, именно молодое поколение является истинным портретом своей эпохи. Так каков же он, истинный портрет XIX века, каково оно, молодое поколение того времени? Попробуем узнать это из произведения А. Герцена «Былое и думы»

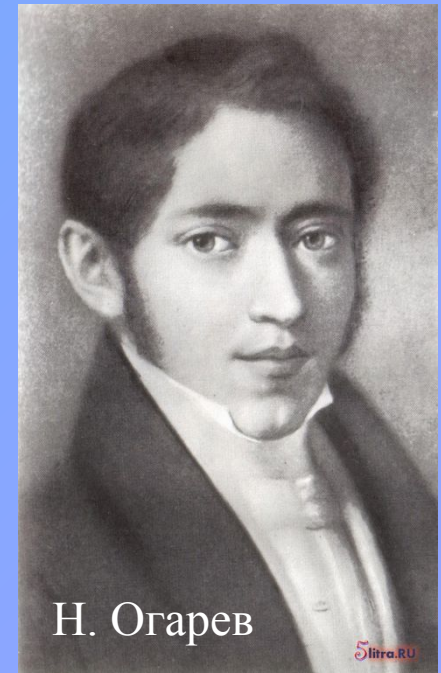
Юность Герцена

В произведении «Былое и думы» сам автор предстаёт перед нами достаточно сознательным человеком с момента смерти государя Александра. Уже тогда, в 13 лет, отчётливо проявляется его внимательность, чуткость, восприимчивость к окружающему. Эти его качества видны в том, как поразила его смерть царя, как остро он переживал изменение социальной атмосферы. *«Тон общества менялся наглазно; быстрое нравственное падение служило печальным доказательством, как мало развито было между русскими аристократами чувство личного достоинства. Никто (кроме женщин) не смел показать участия, произнести теплого слова о родных, о друзьях, которым еще вчера жали руку, но которые за ночь были взяты. Напротив, являлись дикие фанатики рабства, одни из подлости, а другие хуже – бескорыстно»* - пишет автор.

Он не только испытывал возмущение от политического состояние общества – он сам меняется в ответ на это возмущение: *«Разумеется, что и чтение мое переменилось. Политика вперед, а главное – история революции; я ее знал только по рассказам т-те Прово. В подвальной библиотеке открыл я какую-то историю девятидесятых годов, писанную роялистом. Она была до того пристрастна, что даже я, четырнадцати лет, ей не поверил. Слышал я мельком от старика Бушо, что он во время революции был в Париже, мне очень хотелось расспросить его»*. С этого момента либеральные и демократические мысли не покидают Герцена.

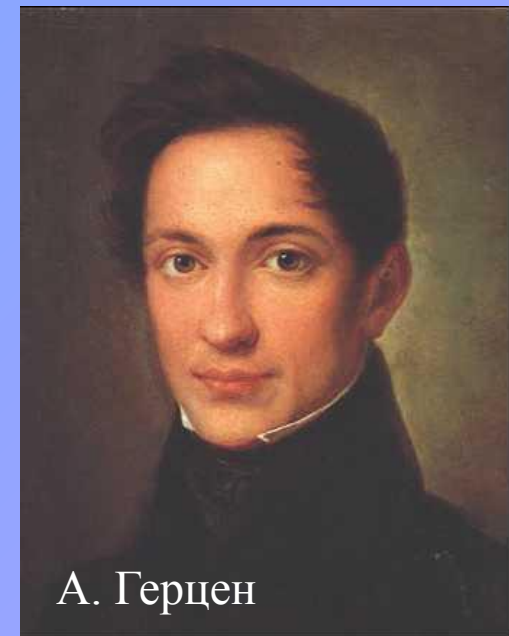
Герцен и Огарев

Николай Огарев – друг юности Александра Герцена – стал первым человеком, разделившим его мысли. Вот как описана их первая встреча в «Былом и думах»: *«...Посидевши немного, я предложил читать Шиллера. Меня удивляло сходство наших вкусов; он знал на память гораздо больше, чем я, и знал именно те места, которые мне так нравились; мы сложили книгу и выпытывали, так сказать, друг в друге симпатию. От Мероса, шедшего с кинжалом в рукаве, "чтоб город освободить от тирана", от Вильгельма Телля, поджидавшего на узкой дорожке в Кюонахте Фогта – переход к 14 декабря и Николаю был легок. Мысли эти и эти сближения не были чужды Нику, ненапечатанные стихи Пушкина и Рылеева были и ему известны; разница с пустыми мальчиками, которых я изредка встречал, была разительна.»*

Н. Огарев

litro.RU

А. Герцен

Вскоре после этого события Ник и Александр стали неразлучными друзьями. Сам Герцен об их дружбе пишет: *«Дружба наша должна была с самого начала принять характер серьезный. Я не помню, чтоб шалости занимали нас на первом плане, особенно когда мы были одни. Мы, разумеется, не сидели с ним на одном месте, лета брали свое, мы хохотали и дурачились, дразнили Зонненберга и стреляли на нашем дворе из лука; но основа всего была очень далека от пустого товарищества; нас связывала, сверх равенства лет, сверх нашего "химического" сродства, наша общая религия. Ничего в свете не очищает, не облагораживает так отроческий возраст, не хранит его, как сильно возбужденный общечеловеческий интерес. Мы уважали в себе наше будущее, мы смотрели друг на друга, как на сосуды избранные, предназначенные.»* Уже тогда было ясно, что они не станут представителями «золотой молодёжи» того времени; это были страстные натуры, не терпящие несправедливость и гнёт, жаждущие деятельности. Они видели угнетённость общества и клялись друг другу бороться с ней. *«Мы не знали всей силы того, с чем вступали в бой, но бой приняли. Сила сломала в нас многое, но не она нас сокрушила, и ей мы не сдались, несмотря на все ее удары. Рубцы, полученные от нее, почетны, - свихнутая нога Иакова была знаменем того, что он боролся ночью с богом.»*

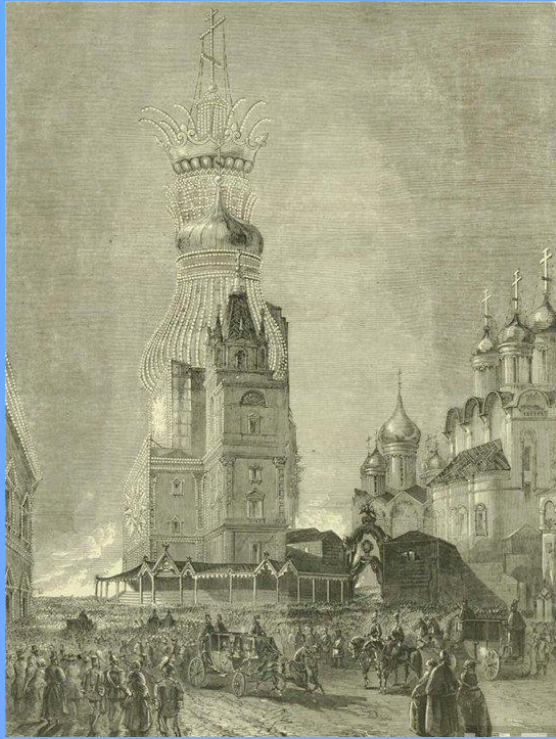
Университет

Обучение в Московском университете стало особым периодом в жизни Герцена. Как он сам писал об Университете: *«Все условия для его развития были соединены – историческое значение, географическое положение и отсутствие царя. < > Пестрая молодежь, пришедшая сверху, снизу, с юга и севера, быстро сплавлялась в компактную массу товарищества. Общественные различия не имели у нас того оскорбительного влияния, которое мы встречаем в английских школах и казармах < > Студент, который бы вздумал у нас хвастаться своей белой костью или богатством, был бы отлучен от "воды и огня", замучен товарищами.»* Молодёжь университета отказывалась от предрассудков, от неравенства, именно в их среде созревали «вольные» мысли: *«Молодежь была прекрасная в наш курс. Именно в это время пробуждались у нас больше и больше теоретические стремления.»*

Особым эпизодом студенческой жизни Герцена стала холера. Студенты университета добровольно вступали в борьбу с эпидемией: *«Университет не отстал. Весь медицинский факультет, студенты и лекаря en masse привели себя в распоряжение холерного комитета; их разослали по больницам, и они остались там безвыходно до конца заразы. Три или четыре месяца эта чудная молодежь прожила в больницах ординаторами, фельдшерами, сиделками, письмоводителями, - и все это без всякого вознаграждения и притом в то время, когда так преувеличенно боялись заразы.»* Это было именно то молодое поколение – готовое делом помочь своей родине.

Год после выпуска университетские товарищи не расходились в своих убеждениях. Они оставались вместе. Их дружеский круг, по прошествии некоторого времени, был увлечён философией. Молодые умы не могли оставаться в детском непонимании окружающего – оно затрагивало их, было противно их чистому внутреннему миру, и им в поддержку явилось философское учение: *«Новый мир толкался в дверь, наши души, наши сердца растворялись ему. Сен-симонизм лег в основу наших убеждений и неизменно остался в существенном.»* Это было сказано о Герцене и Огареве. Их товарищи искали ответы на волнующие их вопросы в русской истории, в немецкой философии. Их взгляды были различны, но объединяла их деятельность ума, непримиримость с настоящим, желание изменить мир к лучшему. Та молодёжь не могла оставаться безучастной. Это, возможно, и была главная их черта.

После ссылки

Эта деятельность, эти горячие и искренние стремления и стали вскоре причиной ссылки почти всего их товарищеского круга. Тайная полиция не хотела самого присутствия их в центре страны, там, где их могли услышать. Вернувшись из первой ссылки, Герцен, по нелепому предлогу, был отправлен во вторую.

Вернувшись из второй ссылки, Герцен застал в Москве другое общество. Другое, но неизменным в нём осталась активность мысли. Это были люди-теоретики, вырабатывавшие свои теории, отстаивавшие и доказывавшие их. Это был цвет нации, настоящие патриоты.

Герцен писал о них: *«Такого круга людей талантливых, многосторонних и чистых я не встречал потом нигде, ни на высших вершинах политического мира, ни на последних маковках литературного и аристократического. А я много ездил, везде жил и со всеми жил; революцией меня прибило к тем краям развития, далее которых ничего нет, и я по совести должен повторить то же самое».*

А вот как описаны в «Былом и думах» встречи товарищей-единомышленников:

«С любовью останавливаюсь я на этом времени дружного труда, полного поднятого пульса, согласного строя и мужественной борьбы, на этих годах, в которые мы были юны в последний раз!..

Наш небольшой кружок собирался часто то у того, то у другого, чаще всего у меня. Рядом с болтовнёй, шуткой, ужином и вином шёл самый деятельный, самый быстрый обмен мыслей, новостей и знаний; каждый передавал прочтённое и узнанное, споры обобщали взгляд, и выработанное каждым делалось достоянием всех. < >

Вот этот характер наших сходов не понимали тупые педанты и тяжёлые школяры. Они видели мясо и бутылки, но другого ничего не видали. Пир идёт к полноте жизни, люди воздержные бывают обыкновенно сухие, эгоистичные люди. Мы не были монахи, мы жили во все стороны и, сидя за столом, побольше развились и сделали не меньше, чем эти постные труженики, копающиеся на заднем дворе науки.»

Местами их активной жизни были собрания, теоретические споры, литературная деятельность. Сам Герцен принадлежал к кругу западников. Их противниками по мнениям стал другой круг – славянофилы. Противниками, но в глубине души они оставались товарищами:

*«Да, мы были противниками их, но очень странными. У нас была **одна** любовь, но не **одинакая** – и мы, как Янус или как двуглавый орёл, смотрели в разные стороны в то время, как **сердце билось одно**».*

Этим сердцем была любовь к своей стране, горячее желание помочь народу, сделать жизнь легче, правильной. И разное понимание этой правильности и стало основой их разногласий. Каждый круг отстаивал свою крайность, каждый не стремился понять другого. Они сами создавали остроту своих отношений.

Но, какую бы точку зрения они не отстаивали, их единственным средством влияния были публичные лекции и журнальные статьи. Особенно смелые выступления могли стать последними для оратора. Цензура и тайная полиция не допускали более широкой деятельности.

«И где вся эта плеяда молодых доцентов, начиная с лучшего из них, Грановского? Милый, блестящий, умный, учёный Крюков умер лет тридцати пяти от роду. Эллинист Печерин побился, побился в страшной русской жизни, не вытерпел и ушёл без цели, без средств, надломленный и больной, в чужие края, скитался бесприютным сиротой, сделался иезуитским священником и жжёт протестантские Библии в Ирландии. Редкин постригся в гражданские монахи, служит себе в министерстве внутренних дел и пишет боговдохновенные статьи с текстами. Крылов – но довольно. La toile! La toile!»

Царская власть не допускала вольнодумства. Она сломила целые поколения людей. От нравственного падения *то* молодое поколение спасла лишь сила убеждения, сила их веры в свою правоту, сила их стремления *помочь*.

Обратимся же теперь к современности.

В XIX веке свои условия диктовала царская власть. Поколение того времени лишь развивало теории – в публичных спорах, в литературе. Они не доходили до активных действий, потому что оказывались в ссылке ещё только за мысль или за отголосок мысли.

В современном мире – свобода слова, относительная свобода действий. Но почему-то сейчас мы наблюдаем не развитие общественной деятельности, а картину, обратную XIX веку: тогда люди *думали, не делая*, а сейчас зачастую *делают, не думая*. Люди *против* того, что существует, но сами не знают, *за* что они. Вокруг проходит множество акций, демонстраций, митингов, нот протеста, но нет ни одной действительно разработанной теории, плана действий, серьёзно отличающихся от современной политики государства. У нас лишь кивают – либо на Европу, либо (старшие поколения) на СССР. Иногда кто-то выдвигает цели, но не говорит о пути достижения. Только протесты и действия...

Не зная, за что бороться, не зная, для чего действовать, все движения бессмысленны, а иногда и губительны. Нельзя знать, не думая. Так что же должно произойти в нашей России, чтобы народ сохранил свободу действий и начал, наконец, думать?

Современное поколение

Что же сформировала наше настоящее, сейчас живущее поколение?

Рубеж XX и XXI веков тоже не был бедным на события. Самое детство кого-то из молодёжи прошло ещё в могучем государстве СССР – в стране светлого будущего, где за любую мысль можно было отправиться на Магадан. Затем это государство распалось, и начались «лихие девяностые» - время, когда ничего не было, в том числе закона. Кто-то родился в это время, кто-то в нём был подростком, а значит, больше воспринял от этого времени. Потом ситуация в стране начала постепенно меняться. Но сознание человека меняется не так быстро. Воспоминания и невольные впечатления трёх совершенно разных периодов сочетаются в старших из современной молодёжи.

Не могло пройти бесследно и множество других событий, происшедших в последние полтора десятилетия, таких, например, как война в Чечне. Свои отпечатки оставляет и современный исламский экстремизм.

Конечно, современные подростки помнят, в основном, двухтысячные, но и в них есть много поводов для впечатлений. Следы воспоминаний о разных периодах нашей страны хранятся в окружающих людях и невольно перенимаются подростками. Наша страна в своём развитии стремится к Западу, но нельзя исключать народный менталитет. Россия не может стать европейской, мы сами слишком другие.

Если сравнивать Россию XIX и Россию XXI веков, то обнаружится необычная вещь.

В XIX веке была жестокая диктатура власти. Любое слово против царя было государственным преступлением, за любую «вольную» мысль сажали, забивали, ссылали. Передовые люди старались бороться – по возможности в тайне от полиции. Тогда читали запрещённые цензурой книги, обсуждали новые идеи...

Сейчас запрещённого почти ничего нет. Литература, радио, кино – всё доступно. Конечно, есть и превышение власти, и притеснение, но это несравнимо с тем, что было во времена царствования Николая. У людей есть свобода. Но почему-то иногда эта свобода выливается в такие акции протеста, от которых страдают люди. Экстремистские, нацистские и другие группировки, в которых принимают участие в основном молодые люди... Почему мы вместо беспредела власти получили беспредел народа?! Неужели людям нельзя давать свободу, неужели они способны использовать её только во вред себе и окружающим? Неужели правы были Российские диктаторы – император Николай, генсек Сталин, когда ставили жестокий контроль над народом?!

Нет! Всегда встречались те, кто поддавался дурному влиянию окружающего. Но сейчас есть очень много талантливой молодёжи – артистичной, спортивной, стремящейся развиваться. Есть множество полезных молодёжных организаций, мероприятий. Всё это возникло благодаря человеческой свободе, от которой идёт свобода самовыражения. Главное – это стремление. Разумеется, есть те, для кого никаких стремлений нет, у кого цель – только просуществовать. Но они – не лицо современного поколения, они – его тень.

Всегда – и сейчас, и в прошлом – молодые резче чувствуют окружающую несправедливость, в них острее желание изменить мир к лучшему. Возможно, им это и не удастся, но добавить миру немного добра они могут. Главная разница XIX века и современности в том, что сейчас вся деятельность проходит свободнее, она поощряется, а не запрещается.

Современным молодым людям не нужно оглядываться, как бы о них кто ни узнал. Они сами стремятся донести свои мысли и идеи до окружающих.

Так каков же портрет современного поколения на фоне эпохи?